

ПОСЛЕ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР В ВАНКУВЕРЕ ИЗ ЛЮБИТЕЛЬСКОГО СПОРТА УШЕЛ САМЫЙ ЯРКИЙ, ПОЖАЛУЙ, ФИГУРИСТ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ — ДВУКРАТНЫЙ ЧЕМПИОН МИРА СТЕФАН ЛАМБЬЕЛЬ.

ПОЛОСОСТАЯ ЖИЗНЬ СТЕФАНА ЛАМБЬЕЛЯ

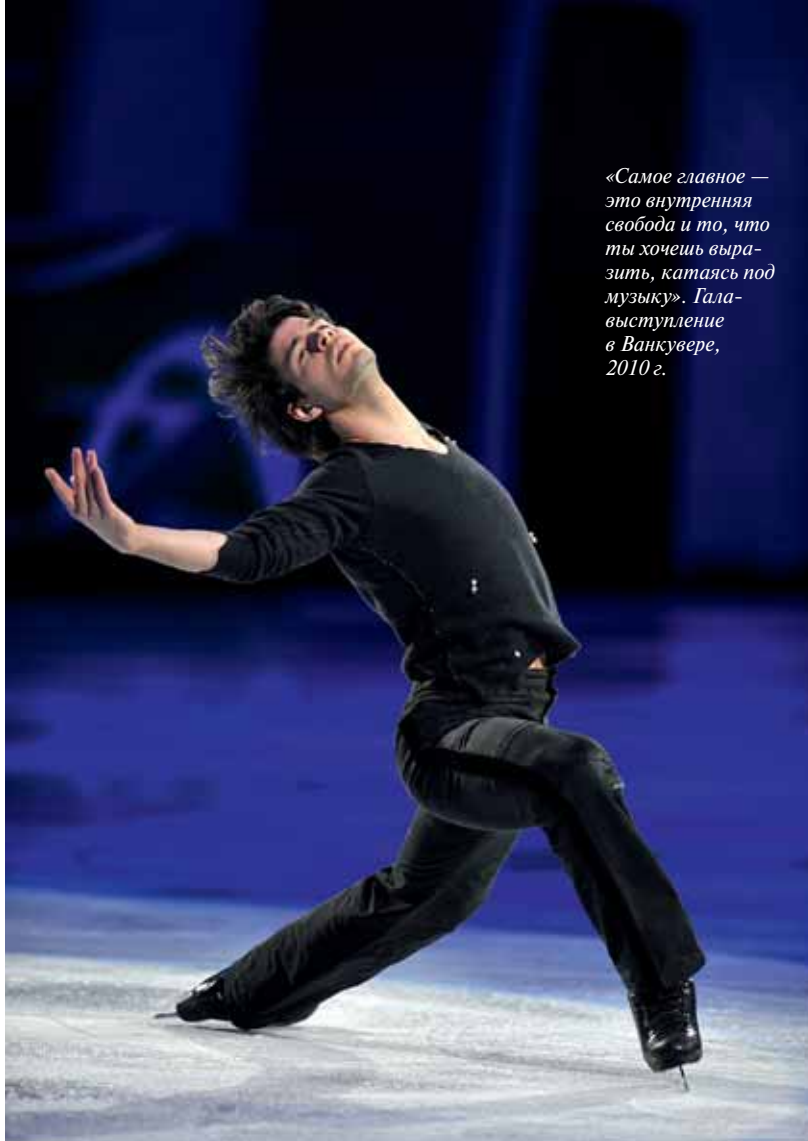
Годом рождением Ламбьеля как незаурядного фигуриста стоит считать 2002-й. На чемпионате Европы в Лозанне юный швейцарец катался настолько чисто, технично и азартно, что заворожил всех. Полный комплект тройных прыжков в произвольной программе сочетался с богатым набором невероятных вращений, которые украсили бы не только мужское, но и женское выступление. Поневоле вспомнилась соотечественница Ламбьеля Натали Криг, за свои вращения внесенная в Книгу рекордов Гиннесса. Криг, правда, совершенно не умела прыгать. Ламбьель же не смазал в Лозанне ни единого приземления.

Медаль фигуристу тогда не досталась. Может быть, судьи не рискнули поднять оценки, посчитав очень легкую по восприятию программу слишком юниорской. Или же сказалось то, что Стефан не сделал ни одного каскада. А может, как это часто бывает в фигурном катании, сочли недостаточным возраст. Однако по реакции вставшего в едином порыве зала несложно было понять: только что состоялось рождение нового национального героя.

Через два года на чемпионате Европы в Будапеште произошел

еще один неординарный случай. К тому времени Ламбьель уверенно освоил четверной прыжок, но справиться с ним в произвольной программе не сумел. От расстройств, видимо, ошибся и в следующем, тройном акселе, — сделал только два оборота. А потом вновь зашел на четверной — и выполнил его. В интервью прокомментировал просто: «Я понял, что терять уже нечего и подумал: а почему нет? Почему не использовать возможность еще раз прыгнуть четверной в условиях соревнований? Хуже-то от этого не будет!»

Тогда немало судачили, что швейцарец вполне мог оказаться в тройке призеров чемпионата мира. Мол, только пиетет арбитров к представителю страны-хозяйки Штефану Линдеманну стал причиной того, что Ламбьель остался без медали. Его произвольная программа тянула даже не на «бронзу» — на «золото». Хотя сам фигурист не считал сезон удавшимся. Он перенес тяжелую простуду в промежутке между чемпионатом Швейцарии и европейским первенством, затем вновь заболел, а в довершение, приступив к форсированным тренировкам, травмировал колено.

«Самое главное — это внутренняя свобода и то, что ты хочешь выразить, катаясь под музыку». Тала-выступление в Ванкувере, 2010 г.

«Я ЛЮБЛЮ ДЕЛИТЬСЯ С ДРУГИМИ СВОЕЙ СТРАСТЬЮ К ФИГУРНОМУ КАТАНИЮ»

Призеры чемпионата мира: Джеффри Баттл, Стефан Ламббель и Эван Лайсачек. Москва, 17 марта 2005 г.

Первоначально травма не показалась чересчур серьезной. Проехав после чемпионата мира — 2004 по ряду европейских стран с показательными шоу, Ламббель немного передохнул и в июле на десять дней отправился в швейцарский Флимс, предварительно договорившись с российским тренером Виктором Кудрявцевым о совместной работе. Потом перебрался в Оберсдорф — тренировочный лагерь, где каждое лето собираются сильнейшие фигуристы Германии, Италии и Швейцарии. Вот только колено давало знать о себе уже всерьез.

Рассказывая о своем лучшем ученике в одном из интервью, тренер Ламббеля, опытный швейцарский специалист Петер Грюттер отметил, что одна из наиболее характерных черт его подопечного — импульсивность. В сочетании с отчаянием от необходимости ложиться на операцию она образовала гремучую смесь: Ламббель разорвал отношения не только с тренером, но и со многими другими людьми, искренне полагавшими, что без их помощи фигурист как без рук. Перебрался в Лозанну и стал продолжать тренировки у Седрика Моно, до 1994 года успешно выступавшего за Швейцарию в парном катании со своей сестрой Лесли.

Швейцарские спортивные деятели пребывали в панике, отчаявшись найти объяснение эскападам спортсмена. Спокоен был лишь Грюттер.

УХОД И ВОЗВРАЩЕНИЕ

В спорте нередко оказывается так, что поиски корней того или иного успеха приводят к личности тренера. Грюттер начал тренерскую карьеру в 1965-м — через год после того, как прекратил выступать (он участвовал в Олимпийских играх 1964 года и занял там последнее место). В 1996-м тренер перебрался из небольшого городка Монтана в Женеву. Пути Грюттера и Ламббеля пересеклись годом ранее: девятилетний Стефан заявил своей матери, что хотел бы попасть в группу именно этого тренера.

Неоценимое качество Ламбеля — это умение сохранять холодную голову и принимать правильные решения, когда вокруг царит страшный ажиотаж

Грюттеру мальчишка понравился. «Как только я увидел его на льду, понял, что передо мной невероятный талант. Он чувствовал музыку всем своим существом, а главное, был готов тренироваться чуть ли не круглосуточно», — вспоминал тренер.

Переезд наставника в Женеву ничуть не обескуражил Ламбеля. Грюттер как-то подсчитал: ради тренировок Стефану еженедельно приходилось преодолевать 1200 километров. Первые годы его привозила на каток мама и оставалась в Женеве на целый день, ожидая, когда тренировки будут закончены. Это в итоге стоило ей семьи: муж не выдержал предложенной ему жизни и ушел к другой женщине. Стефану на тот момент было четырнадцать. Его сестре Сильвии — шестнадцать. Брату Кристофу — десять.

Фигурист начал ездить в Женеву самостоятельно — на электричке.

В четырнадцать лет он казался уже вполне взрослым — по крайней мере для того, чтобы принимать решения и отвечать за свои поступки. Этому учил его и Грюттер. Тренер был откровенно недоволен лишь одним: тем, что в семнадцать лет его подопечный сел за руль. «Это не только дополнительный и ненужный стресс, — втолковывал он Стефану. — В поезде можно расслабиться, поспать, сделать уроки, наконец. Ты же просто-напросто впустишь отнимаешь у себя по несколько часов в день».

Однако во всем, что касалось работы, творческий тандем не имел разногласий. Грюттеру импонировал подход ученика к тренировкам. «Он четко понимает, чего хочет добиться, — говорил тренер. — Ему нравится истязать себя, дополнительно занимаясь растяжкой, хореографией. Никогда, начиная с совсем юного возраста, он не

стремился повторить кого-то, обыграть любой ценой. Работал, как человек, который хочет прежде всего раскрыть свои возможности, не думал о медалях. Стефан — не тот, на кого можно надавить, заставить что-то делать помимо собственной воли. Поэтому я всегда оставлял за ним право на собственные решения. И ошибки в том числе. Хотя и предупреждал о последствиях, если те или иные шаги не казались мне правильными.

Надо отдать должное: Ламбель обладает способностью мгновенно впитывать любую информацию и извлекать из нее максимум положительного опыта. Могу вспомнить чемпионат мира — 2003 в Вашингтоне. Стефан потрясающе выступил в квалификации, но выложился до такой степени, что я понимал: на остальное сил у него уже нет. Так и получилось — он перегорел. После короткой

программы был очень расстроен, но едва соревнования закончились, пришел ко мне поговорить. Не о неудачном результате, а о том, что нужно предпринять, чтобы научиться правильно распределять свои силы в будущем.

Его отличает феноменальная интуиция. Но самое неопределимое качество — это умение Ламбьеля сохранять холодную голову и принимать правильные решения, когда вокруг царит страшный ажиотаж. Чем тяжелее складывается для него турнир, тем лучше он контролирует собственные эмоции и поступки».

Разрыв с учеником осенью прошлого года Грюттер прокомментировал одной фразой: «Он вернется».

Старый наставник как в воду глядел: сотрудничество Ламбьеля с Седриком Моно оказалось непродолжительным. Восстановившись после операции на колене, Ламбьель вернулся к Грюттеру.

ПРОШЛОЕ

Удивительно даже не то, что спортсмен, едва восстановившись после лечения, сумел быстро достичь конкурентоспособного (в сравнении с сильнейшими) состояния, а то, что происходило в 2005-м в промежутке между европейским и мировым первенствами. Ламбьель полностью поменял произвольную программу, объяснив это тем, что новая композиция «Король Артур» больше отвечает его внутренним творческим запросам. Пожаловался в одном из интервью: «Самое трудное — держать в голове все новые шаги и переходы, чтобы не сбиться в середине выступления». Что же получается — медаль чемпионата мира, которая могла бы, что немаловажно, стать первой в его карьере, интересовала фигуриста во вторую очередь? Ведь очевидно, что прежняя, уже обкатанная программа дала бы ему больше шансов чувствовать себя на московском льду спокойнее.

«Я хотел побороться с Плющенко на его поле, попытаться выиграть у него, — заметил Ламбьель

на пресс-конференции. — Но так получилось, что этот чемпионат как бы выигрался сам...»

На втором, победном для швейцарца турнире, в 2006-м в Калгари, произошло похожее: Плющенко, завоевавший золотую медаль в феврале на Олимпиаде в Турине, где Ламбьель получил «серебро», мировое первенство пропустил. Сам Стефан признался, что реше-

ния около трех минут, а вторая — четыре с половиной. Что ж, пусть одна оценивается в полном соответствии с этими правилами. Но во второй, если уж она называется произвольной, хотелось бы иметь больше свободы. Сейчас мы поставлены в слишком жесткие рамки: вынуждены выполнять одни и те же шаги, одни и те же вращения, одинаково менять ребра во время этих враще-

«МОЕЙ ЦЕЛЬЮ БЫЛО ПОЛУЧИТЬ ЗОЛОТУЮ МЕДАЛЬ, Я ЕЕ НЕ ВЫИГРАЛ»

ние поехать в Калгари он принял за десять дней до выступления. Перед Играми травмировал ногу, но всерьез заняться лечением, вернувшись из Турина, смог не сразу: должен был провести несколько показательных выступлений дома. Выиграв высший мировой титул второй раз подряд, он сказал: «Год назад в Москве я понимал, что в целом мне повезло. Поэтому рад, что сумел доказать: та победа не была случайной. Сейчас же у меня совсем другие задачи — работать и готовиться к Играм в Ванкувере».

УХОД И ВОЗВРАЩЕНИЕ

Победив в финале Гран-при в самом конце 2007-го, Ламбьель говорил: «Новые правила заставляют фигуристов постоянно что-то менять. Сводить к минимуму ненужный риск во время выступления. Мы все очень надеемся, что в конце этого сезона их немножко изменят — станут добавлять больше баллов за элементы повышенного риска. За четверные прыжки, тройной аксель, определенные каскады. Сейчас же риск часто получается неоправданным.

Мне кажется, что было бы правильнее подчинить существующим требованиям только одну программу. На данный момент мы, по сути, имеем две обязательные программы, которые различаются между собой только тем, что одна длит-

ний. Что не имеет никакого смысла. Результат может быть только одним: зрители с большим удовольствием пойдут не на соревнования, а на шоу. А в нашей жизни главное все-таки борьба за медали.

Я рад, что удалось победить в финале Гран-при, искренне горжусь этим. Но Олимпийские игры — совсем другая история. Чудовищный стресс. Сознание того, что вторых таких соревнований в твоей жизни может уже не случиться, не покидает ни на минуту. И когда понимаешь, что, пройдя этот ад, ты выиграл медаль, на пьедестал поднимаешься, словно возносишься на небеса.

Наверное, из-за всех олимпийских переживаний следующий сезон и стал для меня особенно сложным. Я должен был отойти от того выступления. Заново переосмыслить, как тренироваться, чтобы не только добиваться соответствующего результата, но и получать удовольствие от работы. Кажется, это удалось. Я иначе отношусь к тому, что делаю на льду. Может быть, просто повзрослел: ощутил внутреннюю зрелость, уверенность в своих силах. Сейчас я — гораздо более настоящий фигурист, как мне кажется».

Всего через год Ламбьель ушел. Как полагают — навсегда. Слишком сильно мучили травмы. Но как же нужно быть отравленным большим спортом, чтобы в начале олимпийского сезона — 2010

«Музыка сама ведет меня, заставляет двигаться». Гала-выступление в Ванкувере, 2010 г.

вернуться! Как выяснилось, за четвертым местом Ванкувера.

Нельзя сказать, что это стало трагедией. Постоянный хореограф Ламбьяла и его близкий друг Саломе Брюннер говорила, что предчувствовала неудачу — на разминке, да и потом, за кулисами, не увидела в фигуристе привычного внутреннего света. «Дело не в упущенном «золоте», — добавила она. — Для Стефана гораздо важнее показать все то, на что он способен. Но он этого не смог сделать. Выполнил много сложных элементов, а полета не получилось».

НАСТОЯЩЕЕ

Сразу после Игр, когда фигурист вернулся домой в Швейцарию, чтобы выступить в ряде шоу, с ним встретилась журналист Реут Голински.

— *Стефан, неужели мы не увидим вас в следующем году на чемпионате Европы в Берне?*

— Да, меня там не будет. Для меня основной целью был Ванкувер. Я рад, что смог пройти этот путь, но знаю, что для меня он уже окончен. Моей целью было получить золотую медаль, но я ее не выиграл. Мне нужно это принять и продолжать жить дальше.

— *Пытались ли вы еще раз прокатать программу в голове — подумать, что можно было бы сделать иначе?*

— Зачем? Я все равно не могу ничего изменить в своем прошлом.

Может, позже пересмотрю свой прокат и получу удовольствие.

Но сейчас в этом нет смысла.

Я по-прежнему занят, у меня много шоу, и это здорово. Я сделал в спорте все возможное. Единственное, что могу сейчас, — сосредоточиться на том, чем занимаюсь.

— *Что дальше? Шоу?*

— Да. Я очень хочу работать с фигуристами. Не знаю, должны ли сам пригласить кого-то или стоит подождать, пока кто-то обратится ко мне за помощью... Лучше бы обратились. Но для того, чтобы принять решение, работать с человеком или нет, нужно знать, у кого какой потенциал. Когда соревнуешься сам, нет возможности следить за тем, что делают на льду другие.

Конечно, это невозможно — посвятить кому-то сто процентов времени и работать с ним каждый день. Но для хореографии надо прежде всего «вливать в тело кровь», «впрыснуть» в фигуриста новые идеи, а потом смотреть, как он будет на них реагировать. Заставлять человека делать все в точности так, как делал я сам, бессмысленно: у него могут быть другие способности, другое тело. Самое главное — это внутренняя свобода и то, что ты хочешь выразить, катаясь под музыку.

— *У вас есть качество, которому, наверное, невозможно научить:*

вы заставляете людей переживать то, что переживаете на льду сами.

— Да, я люблю делиться с другими своей страстью к фигурному катанию. Чувствую, что могу передавать эмоции. Допускаю, что есть люди, которым вообще не свойственно испытывать сильные переживания, и мне нравится думать, что они могут это сделать через меня и мое катание. У хореографического искусства нет границ. Это язык, который доступен каждому и «работает» в любой точке мира.

— *Когда вы закончили произвольную программу в Ванкувере, то были несчастны. И передали свое состояние многим зрителям.*

— Думаю, это потому, что я не умею скрывать свои чувства. Другое дело, что, когда заканчивается музыка, завершается и история. Это как с книгой: прочитали, закрыли — и все. Я уже говорил как-то, что не люблю ждать, когда зазвучит музыка. Но как только это произошло, все остальное перестает для меня существовать. Мне не нужно сосредоточиваться на движениях, командовать своим рукам делать те или иные жесты. Музыка сама ведет меня, заставляет двигаться.

— *Как же вы водите машину, слушающая музыку?*

— Ой, очень плохо. Может быть, как раз потому, что испытываю слишком много эмоций сразу. Но, знаете, так интереснее жить...

Елена Вайцеховская